
В ПОИСКАХ НОВОЙ МОДЕЛИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЦЕНТРА И РЕГИОНОВ РОССИИ (на примере Республики Татарстан)

Г.И. Макарова

В статье рассматривается становление новых моделей этнокультурных политик центра и регионов России (на примере Республики Татарстан) посредством анализа их основных принципов, характера соотношения и развития в постсоветский период, их оценки региональными экспертами-практиками. Господствовавшую в СССР модель управляемого, в определенной степени поддерживаемого и жестко контролируемого из центра этнического многообразия в 1990-е годы сменяет политика содействия сохранению и развитию языков и этнокультур — на уровне национальных регионов России, признания этнокультурных различий — на уровне федерального центра. В 2000-е годы начинают артикулироваться проблемы управления различиями, утверждения единства в многообразии. У российского «мультикультурного» проекта — своя специфика, связанная с историко-политическим прошлым России, традициями централизованного государственного регулирования вопросов этнокультурного развития, сказывающимися до сих пор в центральных и региональных этнокультурных политиках и практиках, дискурсах по проблемам этнокультурных идентичностей.

Ключевые слова: этнокультурная политика, мультикультурализм, управление культурным многообразием, децентрализация и регионализация, интеграция, единая общероссийская идентичность

Последние десятилетия социокультурного развития России характеризуются попытками федерального центра и регионов РФ выстроить новую этнокультурную политику. Господствовавшую здесь в советский период модель управляемого, в определенной степени поддерживаемого и жестко контролируемого из центра декоративного этнического многообразия, которая, как предполагалось, должна была привести к формиро-

ванию новой надэтнической социальной общности «советский народ», в конце 1980-х—1990-е годы сменяет политика актуализации этнического самосознания, содействия сохранению и развитию языков и этнокультур — на уровне национальных регионов России, признания этнокультурных различий — на уровне федерального центра. В свою очередь, в 2000-е годы в РФ начинают артикулироваться проблемы управления «легализованными» и возрождающимися либо конструируемыми заново этнокультурными различиями, утверждения единства в многообразии.

На первый взгляд, эти искания вполне вписываются в характерный для западных демократий второй половины XX века переход от ассимиляционных стратегий к идеологиям культурного плюрализма, мультикультурализма, с последующим осознанием важности «нахождения должного равновесия» между тем, что людей различает и соединяет [Au-delà... 2001]. Однако в российском обществе (как и в ряде других посткоммунистических стран) названный парадигмальный «переход» происходил в контексте иных социальных феноменов: утверждения нового социально-политического и экономического строя, распада Союза и децентрализации государственного управления страной с последующим новым выстраиванием правовой вертикали, «открытия заново» традиционных культур, этнических идентичностей и проявления острых межэтнических противоречий и конфликтов. Все это придало этнокультурной политике России черты неповторимого своеобразия, отличающие ее от стран западного либерального мира.

Данная статья имеет целью проследить пути становления в нашей стране новых моделей этнокультурных политик центра и регионов (на примере Республики Татарстан) посредством анализа их основных принципов, содержания, характера соотношения и развития в 1990-е и в 2000-е годы, рассмотреть их оценки региональными экспертами-практиками культурного строительства. Статья основывается на анализе официальных документов, принятых в Российской Федерации и в Республике Татарстан в 1990—2000-е годы, связанных с культурой, языками и этнокультурным развитием законов, государственных программ, концепций¹, статистических данных по языку, образованию и культуре в РТ, в которых нашли отражение этнические аспекты осу-

¹ Было собрано более 100 документов, связанных с культурой, языками и касающихся этнополитики и межэтнических отношений в стране, регионе; затем среди них отбирались те законы, программы, концепции, в которых непосредственно поднимались вопросы развития этноязыков, этнокультур, взаимодействия этнокультурных идентичностей. Отобранные документы были подвергнуты дискурсивному анализу с целью выяснения основных принципов и приоритетов Российской Федерации (РФ) и Республики Татарстан (РТ) в области этнокультурной политики, степени разработанности механизмов ее осуществления и определенности разграничения полномочий центра и регионов, ответственности различных министерств и ведомств в этнокультурной сфере.

шестьдесятых в республике в названный период культурной политики, а также на изучении текстов полуформализованных интервью с экспертами в области культуры и этнокультурной политики ¹.

Что такое этнокультурная политика

Опираясь на ряд зарубежных и отечественных работ по проблемам культурной политики [Pratiques... 1990; Евритт, 2003; Флиер, 1994; Разлогов, Бутенко, 1998; Жидков, 1994], определим ее как разрабатываемую государством систему целей и задач, норм и принципов деятельности, связанной с производством, сохранением и развитием интеллектуальных, в особенности художественных произведений и практик, а также совокупность определенных приоритетов и мер в сфере культуры. Культурная политика, иными словами, выступает такой формой влияния государства и связанных с ним социальных институтов на процесс культурного производства и формирование социокультурных норм, взглядов, ценностей людей, которая является декларируемой, закреплённой в законах, концепциях и программах культурного развития, проводимой в деятельности государственных культурных, образовательных, информационных организаций и учреждений. Собственно же *этнокультурная политика* формируется на пересечении этнополитики и культурной политики государства и связана с регулированием процессов сохранения и развития этнических (региональных) языков и культур [Гуща, 1997. С. 2], взаимодействия этнокультурных идентичностей и, отчасти (наряду с национальной политикой), – с обеспечением консолидации населения страны на основе общегражданских ценностей.

Контекст исследования этнокультурной политики РФ и национальных регионов России (пример Республики Татарстан)

Для проводившейся в бывшем Советском Союзе государственной национально-культурной политики была характерна установка на постепенную нивелировку языково-культурных особенностей этносов

¹ Интервью проводились автором (отчасти совместно с Е. Ходжаевой) в 2004–2005 годах с государственными служащими РТ (работниками Министерства культуры, Министерства образования, других ведомств РТ), представителями национально-культурных обществ Татарстана, руководителями известных культурных организаций РТ и отдельными деятелями культуры, с журналистами, освещающими тему межнациональных отношений и культурной политики (всего 27 качественных полуформализованных интервью, записывавшихся с помощью диктофона); в ходе интервью экспертам предлагалось оценить подходы этнокультурной политики федерального центра и РТ 1990–2000-х годов, поразмышлять о возможности использования в России вариантов мультикультурализма.

и, в перспективе, на их слияние на основе доминирующей культуры большинства — русской или, точнее, русскоязычной культуры — при одновременном сохранении лозунга равноправного развития культур народов СССР и декоративном функционировании последних. Это был опыт построения квазимультикультурного государства, функционирование которого было возможно на основе использования репрессивного политического аппарата.

Другой особенностью советского периода являлась жесткая централизация, концентрация основных функций управления культурной жизнью в центральных органах власти и управления. Конец 1980-х — начало 1990-х годов были ознаменованы не только распадом Союза, но и парадом суверенитетов бывших автономных республик РСФСР. Провозгласив независимость, они стремились всесторонне укрепить ее, в том числе, и посредством приоритетного развития языков и культур так называемых титульных народов для конкретных регионов. Рассмотрим далее этот процесс на примере Республики Татарстан. Здесь же кратко обозначим этнодемографические и этнокультурные особенности названного региона.

Численность населения Татарстана, по итогам переписи 2002 года, составила 3 779 тыс. человек. Его население полиэтнично: здесь проживают представители более 115 этнических групп, среди которых наиболее многочисленны — татары (52,9 %) — титульный этнос региона — и русские (39,5 %). Происходящие в республике этнокультурные процессы представляют особый интерес, так как именно здесь движение возглавлявшегося национальной элитой титульного этноса оказалось наиболее сильным. Оно было направлено на становление политической и экономической самостоятельности РТ, утверждение новых — федеративных — отношений с правительством центра, укрепление регионального самоуправления во всех сферах общественной жизни, повышение статуса татарского языка и культуры.

Обратимся к предыстории вопроса. На территории Татарстана длительное время сосуществовали различные этнические группы, и, прежде всего, татары и русские. Эти два этноса имеют различное происхождение, их языки относятся к разным языковым группам (к тюркской и славянской), исторически связаны с разными религиями (мусульманство и православное христианство).

Активное взаимодействие татарской и русской культур, начавшееся после присоединения Казанского ханства к Российскому государству (1552 год), всегда в той или иной мере определялось идеологией властей. Причем в дореволюционный и в советский периоды татарский язык и культура, в силу ряда исторических причин, не имели возможностей для своего полноценного развития [Исхаков, 1997. С. 28]. Русский язык же и культура, выполняя, особенно в советский период, роль госу-

дарственных, развивались более интенсивно. Хотя, по мнению ряда исследователей [например, Сикевич, 1999. С. 11], именно в связи с этой ее ролью русская культура постепенно все более стандартизировалась, из нее «уходило» то, что могло быть непонятным, неблизким многомиллионному полиэтничному населению страны.

Этнокультурные политики федерального центра и регионов России в 1990-е годы

Девяностые годы XX столетия ознаменовались существенными переменами в культурной политике России, в характере взаимодействия правительства РФ с национальными республиками в этнокультурной сфере. В «Основах законодательства Российской Федерации о культуре» (1992) нашло воплощение шедшее от регионов стремление к независимости в решении культурных вопросов. Законодательное закрепление получило разделение компетенций в области культуры между федеральными и региональными органами государственной власти и управления. Согласно ст. 39 данных основ, к ведению государственной власти и управления республик в составе РФ относится определение культурной политики и принятие законодательства республики о культуре. Это явилось принципиальным шагом к региональному самоуправлению в данной сфере.

Конституция РФ (1993) и Федеральный Закон «О национально-культурной автономии» (1996) закрепили по сути «мультиэтническую модель нашего общества» [Зорин, 2003. С. 129], реализуемую в двух формах: этнотерриториальных автономий и национально-культурной автономии. Наконец, Концепция государственной национальной политики РФ (1996) фактически утвердила за государством ответственность за выживание этносов и их культур. В ней прописано, что государство берет на себя, помимо укрепления «идей единства, дружбы народов, межнационального согласия... распространение знаний об истории и культуре народов...; сохранение исторического наследия и дальнейшее развитие национальной самобытности и традиций взаимодействия... народов; обеспечение оптимальных условий для сохранения и развития языков всех народов России...; укрепление и совершенствование национальной общеобразовательной школы...».

Заметим, что такой вариант построения этнокультурной политики обнаруживает сходство с мультикультурализмом канадско-австралийского типа со свойственной ему институционализацией этничности. Те же принципы закрепляются и в ряде законов, конкретизирующих отдельные аспекты культурной политики России постсоветского периода – в Законе РФ «О языках народов Российской Федерации» (1991), «Об образовании» (1996) и др.

Характеризуя политику РФ названного периода, российские исследователи трактуют ее как политику «учета резкого усиления активности национальных и региональных элит» [Зорин, 2003. С. 126], «уступок и консенсусных мер, обеспечивающих сохранение целостности страны» [Дробижева, 2003. С. 34], «институционализации и спонсирования» так называемой «многонациональности» в России [Гишков, 2003. С. 1]. При этом сам характер этой политики определялся особенностями переходного этапа развития нашего общества. Отсюда слабость «концептуального переосмысления основ ... национальной политики в новой России» [Зорин, 2003. С. 131], ее стохастичность [Дробижева, 2003. С. 34].

Проанализируем то, как в тот же период строились стратегии этнокультурной политики полиэтнических регионов страны на примере Республики Татарстан. На начальном этапе децентрализация положительно сказалась, в первую очередь, на культурном развитии этнических групп, обладающих «своими» национально-государственными образованиями внутри РФ. Национальные элиты титульных народов оказывали в этот период существенное влияние на культурную политику республик, подчеркивая, что именно их язык и культура составляет основу специфики региона. Руководство же республик постепенно стремилось принять более центристские позиции, отмечая в программных документах и вновь принимаемых законах полиэтничность регионов, равенство прав всех этносов на развитие своей культуры, чем сохранялось соответствие нормам международного права.

И все же артикулировавшееся отставание культур «титульных этносов» от русской культуры привело в 1990-е годы к выдвиганию региональными властями задачи «выравнивания» в развитии этнокультур. На деле это означало «подтягивание» по основным параметрам культуры «титульных этносов» к русской культуре, что временно оборачивалось некоторым неравенством уже не в пользу русской культуры, культур этнических меньшинств.

В этот период в Республике Татарстан был принят ряд законов, касающихся национально-культурного развития¹. В них подчеркивалась полиэтничность и поликультурность региона. И все же в отдельных документах делался акцент на поддержке языка и культуры «титульного этноса» РТ в переходный период. Например, в Законе РТ «О культуре» отмечалось, что одной из главных задач культурной политики региона является «содействие развитию татарской национальной культуры, культуры многонационального народа Республики Татарстан» [Закон, 1998. Гл. 1, ст. 2].

¹ Это, прежде всего: Законы РТ «О языках народов Республики Татарстан» (1992), «Об охране и использовании культурных и исторических ценностей» (1996), «О культуре» (1998); «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1999), «О восстановлении татарского алфавита на основе латинской графики» (1999) и др.

Серия официальных документов¹ определяла цели, задачи и механизмы реализации языковой политики Татарстана, сущность которой – в придании татарскому языку, наряду с русским, статуса государственного, в создании реальных условий для расширения его социальных функций. С этой целью на протяжении 90-х годов в РТ были открыты либо перепрофилированы более 170 школ и гимназий, обучение в которых стали вести на татарском языке². До конца 1980-х годов татарский язык не преподавался в русскоязычных школах. После принятия закона о языках во всех школах республики было введено обязательное изучение татарского языка и литературы, в связи с чем существенно была расширена система подготовки преподавателей татарского языка, было организовано издание учебников. Каналом языково-культурной политики республики явилась и система дошкольного воспитания: в 1 340 дошкольных учреждениях к 2002 году работа велась на татарском либо на татарском и русском языках.

Наконец, в сфере среднего профессионального и высшего образования также наблюдались некоторые изменения, увеличившие возможности получения образования на татарском языке³. По действующим ныне правилам поступающий в вуз Татарстана может по своему выбору сдавать экзамен на одном из государственных языков. В 12 вузах из 20 созданы группы с татарским языком обучения. Организован Татарский государственный гуманитарный институт, готовящий национальные педагогические кадры. В творческих вузах и училищах открылись кафедры, отделения татарского искусства.

В тот же период была принята Программа развития культуры в Республике Татарстан на 1998–2001 годы. Большинство запланированных в ней мероприятий касалось культуры всех народов, проживающих в Татарстане, хотя были и специальные, связанные, в первую очередь, с сохранением традиций, языка, культуры титульного этноса. Большая роль в культурной политике региона стала отводиться возрождению обрядов, обычаев, праздников народов Татарстана. В 1991 году из состава Республиканского научно-методического центра, занимающегося проблемами сохранения традиционной культуры, в самостоятельную организацию выделился Государственный центр татарского фольклора. В качестве его главных функций определены научный анализ процессов развития и пропаганда традиционного татарского народного творче-

¹ Закон РТ «О языках народов Республики Татарстан», Государственная программа по сохранению, изучению и развитию языков народов Республики Татарстан (1994), проект Концепции языковой политики Республики Татарстан (1999) и др.

² Причем, если раньше это были в основном сельские школы, среди вновь открытых татарских школ и гимназий – большинство городских.

³ Преподавание на татарском языке велось к началу 2000-х годов в 9 профессиональных училищах РТ (в 1989 году таковых было 7), на базе 16 училищ открыты татарские группы.

ства. В 1995 году при управлении культуры администрации города Казани создан Центр русского фольклора с аналогичными функциями.

Этнические аспекты осуществлявшейся в 1990-е годы культурной политики нашли отражение и в следующих статистических данных. Из функционирующих на начало 2000-х годов 43 музеев республики экспозиции примерно равного количества посвящены жизни и творчеству русских и татарских деятелей культуры (среди них Горький, Бора-тынский, Шишкин, Тукай, Урманче, Насыри). Из 2 140 клубных учреждений системы Министерства культуры РТ 890 ведет свою работу на русском языке, 950 — на татарском, 300 — на языках других народов РТ.

Тем самым ряд количественных показателей культурного развития республики свидетельствовал о постепенном выравнивании в ней позиций русской и татарской культур. По ряду же из них татарская культура даже начала опережать русскую. Например, на конец 1990-х годов здесь функционируют семь татарских государственных профессиональных театров (хотя это в основном театры местного значения), три русских театра, два театра имеют в репертуаре спектакли на обоих государственных языках Республики Татарстан ¹.

В то же время здесь оставались сферы, в которых русская культура продолжала занимать уверенные и даже господствующие позиции. Так на начало 2001 года здесь зарегистрировано 547 органов масс-медиа ². Из печатных СМИ 55,8 % ведут свою деятельность на русском языке, 25,1 % — на обоих государственных языках республики и лишь 12,2 % — на татарском; имеются также издания на других национальных языках (чувашском, удмуртском и др.). Коммерческие телеканалы и FM-радиостанции в основном русскоязычны, в то время как государственное телерадиокомпания осуществляют вещание и на русском, и на татарском языках. В ситуации языковой асимметрии медиа-политика властей оказалась направленной, прежде всего, на поддержку татароязычных СМИ. Так из 19 печатных изданий, получавших до 2003 года финансовую поддержку РТ, лишь две газеты и один журнал выходили на русском языке, остальные — либо на татарском, либо на обоих государственных языках. Телерадиокомпания, финансируемые из республиканского или муниципальных бюджетов, также осуществляли вещание на двух языках.

Наконец, что касается развития культур так называемых этнических меньшинств Татарстана, следует отметить, что в 1992 году по инициативе властей республики при поддержке лидеров НКО республики в Казани проводится Первый съезд народов Татарстана, на котором создается Ассоциация национально-культурных обществ (АНКО РТ).

¹ Из архивов 1999 года Госкомитета РТ по статистике.

² Материалы по масс-медиа в Татарстане подготовлены Е. Ходжаевой.

В 1999 году, с целью оказания государственной поддержки ассоциации, в Казани открыт Дом дружбы народов.

Таким образом, 1990-е годы были в России периодом признания языково-культурных особенностей этносов, отказа от жесткой концентрации функций управления культурной жизнью в центральных органах власти и управления, установления новых ролей центра и республик в решении языково-культурных вопросов. При этом национальные регионы РФ начали выстраивать свою самостоятельную этнокультурную политику, которая в тот период была направлена на развитие регионального этнокультурного своеобразия, актуализацию самосознания народов – в первую очередь «титulyных этносов».

Соотношение этнокультурных политик Российской Федерации и национальных республик РФ (на примере РТ) в 2000-е годы

Рубеж 1990-х–2000-х годов стал в России периодом нового «усиления Центра в отношениях с регионами» [Зорин, 2003. С. 144], преодоления многообразия «реальных правовых режимов», в том числе, и в вопросах, касающихся этнокультурного развития. В этот период политическая и интеллектуальная элиты России начинают активное обсуждение вопросов формирования «многоэтнической гражданской нации» как средства обеспечения «единства российского народа» [Тишков, 2005. С. 270], осознаются проблемы «управления этнокультурным многообразием», координации деятельности министерств и ведомств, связанных с реализацией этнокультурной политики [Гуща, 1997. С. 3], а также противодействия «формам крайнего национализма и экстремизма» [Тишков, 2003], «работы по интеграции вновь прибывающего в Россию населения» [Тишков, 2007. С. 36]. В законодательстве РФ эти изменения, к примеру, выразились в появлении Федерального Закона «О государственном языке Российской Федерации» (2005), укрепляющего статус русского языка как государственного языка России. Стремление к объединению усилий министерств, связанных с культурной политикой, привело к их укрупнению – образованию в 2004 году Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации и Министерства образования и науки Российской Федерации. Проблемами же этнокультур занимается сегодня департамент межнациональных отношений созданного Министерства регионального развития коммуникаций Российской Федерации.

Названные тенденции, несомненно, хотя и опосредованно, сказались на языково-культурной политике национальных регионов России, в том числе Республики Татарстан. В частности, в этот период были внесены изменения и дополнения в ряд нормативных документов, приняты

новые законы, в которых более четко, нежели в предыдущий период, прописывалось соотношение законодательств РФ и РТ, уточнялись моменты, касающиеся взаимодействия центральных и региональных властей и органов управления в указанной сфере. К примеру, если в Федеральном Законе «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (2002) прописываются единый государственный реестр объектов культурного наследия, государственная историко-культурная экспертиза, то в Законе РТ «Об объектах культурного наследия в Республике Татарстан» (2005) дается ссылка на Конституцию РФ и соответствующие федеральные законы (что не всегда делалось в начале 1990-х годов), уточняются полномочия органов государственной власти и управления республики в данной области. В свою очередь, в новой редакции Закона РТ «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в РТ» (2004) вводится уточнение (гл. 111, ст. 15), касающееся языка ведения официальной переписки с адресатами РФ и ее субъектами, каким является русский язык.

Можно говорить и об определенной корректировке этнокультурной политики национальных регионов по отношению к русскому языку и русской культуре. К примеру, в Татарстане в 2002 году проходит встреча Президента республики М.Ш. Шаймиева с руководителями русских национально-культурных обществ и центров; принимается Постановление Кабинета Министров РТ «О проведении Республиканского праздника русского фольклора “Каравон”» (2003). В Татарстане открывается сеть школ с русским этнокультурным компонентом¹. В программу же «Развитие культуры в РТ на 2004–2007 годы» включены многие связанные с православием архитектурные памятники, музеи, посвященные творчеству деятелей русской культуры, русские усадьбы.

Последнее, однако, не означает, что татарский язык и культура в этот период «выпадают» из поля зрения республиканских властей. Законом РТ (2004) утверждается «Государственная программа Республики Татарстан по сохранению, изучению и развитию государственных языков и других языков в РТ на 2004–2013 годы», в которой ставятся новые задачи по созданию условий для сохранения и развития государственных языков республики. Среди прочих мер предполагается введение государственных языковых квалификационных минимумов, разработка положения о надбавках к зарплате за практическое применение в работе двух государственных языков РТ (п. 3.1. Программы) – то есть меры, направленные на дальнейшее расширение ареала социального функционирования татарского языка.

¹ В 2004/2005 учебному году в РТ функционирует 29 таких школ, а также 296 классов, где обучается 6 284 ученика (по данным Министерства образования РТ).

Что касается развития языков и культур других народов РТ (помимо русского и татарского), отметим, что в Законе РТ «О национально-культурных автономиях в РТ» (2003) уточняются меры, предпринимаемые органами государственной власти республики по обеспечению прав граждан региона на сохранение и развитие национального (родного) языка и национальной культуры. В организованную же ранее Ассоциацию национально-культурных организаций РТ (ныне Ассамблею представителей народов, проживающих на территории РТ) на сегодняшний день входит уже 37 обществ. В республике развивается сеть национальных школ (к 2004/2005 учебному году ее составили 145 чувашских, 22 марийских, 45 удмуртских и 5 мордовских школ); для представителей ряда других народов открыты воскресные школы.

Наконец, необходимо кратко остановиться на недавно утвержденных и разрабатываемых сегодня в РФ и РТ официальных документах. Так, на проходившем в ноябре 2007 года Съезде народов Татарстана принята Концепция государственной национальной политики РТ, в которой впервые последовательно прописываются ее основополагающие принципы, цели, направления развития. Этим документом Татарстан закрепляет избранную линию на поддержание этнокультурного многообразия региона, фактически возводя мультикультурализм – в его институциональном варианте – в ранг официальной политики республики.

В свою очередь, в России подготовлены проекты Федерального Закона «Об основах государственной политики в сфере межэтнических отношений в Российской Федерации» и новой Концепции национальной политики РФ. В них нашли отражение отмеченные выше направления развития этнокультурной политики центра в 2000-е годы: выдвигание на первый план задачи обеспечения государственной целостности и единства РФ, акцент на формировании общероссийской идентичности на основе русского языка и культуры при признании поликультурности России, особые меры по предупреждению межэтнических конфликтов. При этом и в том, и в другом проектах отмечается, что основные направления государственной национальной политики разрабатываются федеральным центром, субъектам же РФ отводится роль участника в их реализации (ст. 7 проекта закона и раздел V концепции).

Несколько особняком в ряду официальных документов стоит подготовленный министерством регионального развития проект концепции федеральной целевой программы «Этнокультурное развитие регионов на 2006–2008 годы». В последнем также подчеркивается важность формирования у граждан различной этнической принадлежности общероссийской идентичности. Одновременно проект содержит ряд новаторских предложений, несущих на себе следы влияния опыта западных

демократий по регулированию вопросов этнокультурной жизни и касающихся: перехода «от политики дотаций к политике проектно-целевого и инфраструктурного финансирования этнокультурного развития»; «установления партнерских отношений государственного заказчика программы» с бизнесом; согласованных действий по «разработке и реализации региональных стратегий этнокультурного развития», поддержке межрегиональных инициатив. Тем не менее дальнейшая судьба данного проекта неизвестна.

Таким образом, 2000-е годы характеризовались усилиями федерального центра скоординировать федеральную и региональные языково-культурные политики. Акцент делался на единстве, важности формирования общероссийской идентичности, которая не всегда трактовалась, однако, как строящаяся на идее гражданства, а нередко приводила к артикуляции «русскости», роли «русской идеи» и русской культуры в качестве базы для интеграции. В национальных регионах России названные тенденции вызвали, с одной стороны, желание элит удерживать «завоевания» предыдущего десятилетия, с другой стороны, — ряд встречных мер, направленных на реализацию требований центра. То есть, принимая «новые условия игры», руководство национальных регионов (в частности, Татарстана) стремилось сберечь относительную самостоятельность в решении вопросов культурного развития и заручиться поддержкой не только титульных этносов, но и этнических меньшинств, подчеркивая важность политики признания этнокультурного многообразия. Иными словами, 2000-е годы стали периодом поиска нового баланса интересов и распределения полномочий федерального центра и регионов РФ, в том числе в этнокультурной сфере, основ для консолидации полиэтничного российского общества, а также новых форм управления этнокультурными различиями.

Региональные практики культурного строительства об этнокультурных политиках РФ и Республики Татарстан

Мнение региональных экспертов-практиков важно в данном случае в связи с тем, что именно они реализуют этнокультурную политику на местах и знают реальную ситуацию в этнокультурной сфере. С верностью избранного в 1990-е годы Россией и регионами курса на признание этнокультурного многообразия согласились практически все интервьюируемые (отдельные из них с сожалением отмечали имеющий место сегодня «откат назад»). Они подчеркивали важность предпринятых Россией в постсоветское десятилетие шагов к утверждению основ новой национально-культурной политики. Эксперты приветствовали и политику децентрализации управления в области культуры и этнокультурного развития. Хотя некоторые информанты отмечали важность вос-

становления роли центра в качестве координирующего агента между регионами и народами России.

Вместе с тем эксперты указывали на ряд недочетов этнокультурной политики РФ изучаемого периода, в частности отмечая, что, несмотря на принятие важных документов, их реализация часто не доводилась до конца, одни действия противоречили другим, а политические усилия предпринимались в основном в отношении уже существующих проблем. Лидеры же некоммерческих организаций (НКО) указывали на недостаточное внимание центра к мнению представителей общественных национально-культурных организаций.

Интервьюируемые выражали несогласие и с попытками российских политиков вновь выделить русскую культуру как основу построения единой российской идентичности. Они видели в этом непонимание центром ситуации в национальных регионах. Отдельные же информанты отмечали претензии православной церкви на особую роль в современном российском государстве, указывали на важность создания Совета религиозных организаций России, включающего представителей различных религиозных общин. Отмечалась важность включения в учебники по вводимому в школах России предмету «Религиоведение» сведений, касающихся не только православия, но и других распространенных на территории РФ религий.

Оценки экспертами этнокультурной политики Татарстана были более позитивными. (Однако здесь стоит учитывать факт включенности интервьюируемых в процесс регионального культурного строительства, связанную с этим возможную «самоцензуру» высказываний.) Респонденты отмечали, что руководство республики лучше понимает этнокультурное своеобразие региона и проводит относительно гибкую политику. Однако и здесь ими были высказаны некоторые немаловажные замечания. Так, этнокультурная политика республики до сих пор не получила целостного концептуального изложения¹. Отдельные информанты указывали на то, что некоторые возникавшие здесь проблемы (например, касавшиеся русской культуры – в 1990-е годы, кряшен [крещеных татар] – в период переписи) порой замалчивались, что не способствовало их своевременному разрешению. Работники искусства отмечали бюрократизм и отсутствие коллегиальности в принятии ряда решений, касающихся культурного развития региона, деятельности отдельных культурных фондов. Наконец, руководители НКО подчеркивали, что материальной поддержки их деятельности не достаточно для проведения серьезных мероприятий, а на государственных теле- и радиоканалах РТ почти не представлены национальные культуры «нетитульных народов».

¹ Данное замечание отчасти утратило свою актуальность в настоящее время, когда была принята Концепция государственной национальной политики РТ.

Анализ результатов интервьюирования также показал, что общими для стратегий культурной политики РФ и регионов России проблемами являются: недостаточная открытость информации о деятельности министерств, фондов, решающих вопросы этнокультурного развития (что свидетельствует о незавершенности процессов демократизации государственных институтов); отсутствие разработанной системы воспитания толерантности населения в новых условиях, непродуманности механизмов управления этнокультурными различиями.

Модели «мультикультурализма» для России: версии региональных экспертов-практиков¹

В ходе интервью мы приглашали наших собеседников обсудить тему: «Какая из действующих сегодня в мире либо существовавших до сих пор в нашей стране моделей государственной этнокультурной политики могла бы подойти для современного российского общества?».

Первой реакцией информантов на наше предложение было обращение к опыту Советского Союза (для кого-то же он оставался единственной рамкой рассуждений). Региональные эксперты могли отмечать минусы советской национальной политики (вспоминая о переселении народов, геноциде, ранжировании этносов типа «старший брат» — «младший брат») или говорить о ее плюсах (например, о превентивном потенциале этнополитики СССР и о таких мультикультурных практиках, как организация декад национального искусства). Для нас в данном случае важно то, что сравнение велось именно с советским опытом «мультикультурализма», который по-прежнему остается для большинства практиков культурного строительства наиболее значимым и актуальным. Мало того, в высказываниях отдельных интервьюируемых сквозила откровенная ностальгия по советским временам, когда все народы жили в единой стране — СССР, при решении кадровых вопросов учитывался этнический состав населения, «*было больше порядка и контроля*» над различными сторонами общественной жизни, включая этнокультурную.

Западные варианты «мультикультурализма» и опыт управления этнокультурными различиями нашим экспертам оказались практически неизвестны. Отдельные же респонденты заведомо отвергали возможность его использования, ссылаясь на самобытность России. В этой ситуации, чтобы все-таки услышать мнение экспертов по поводу существующих сегодня на Западе моделей этнокультурной политики, мы предложили собеседникам наши собственные краткие характеристики. В частности, нами называлась гражданская модель мультикультурализ-

¹ [См. подробнее: Макарова, Ходжаева, 2005].

ма, когда государство обеспечивает возможность включения различных этнических групп «в процесс управления и самоуправления на разных уровнях государственной иерархии» [Куропятник, 2000. С. 24], стараясь придерживаться нейтральной по отношению к этническим идентичностям и к их культурам позиции (например, США). В качестве второй модели выделялась этноцентристская форма мультикультурализма, когда государство берет на себя «ответственность за выживание всех групп меньшинств, сохранение их этничности и культурного своеобразия» [Куропятник, 2000. С. 24] (Австралия, Канада).

Большинство экспертов, прежде всего, мыслящие в примордиалистском направлении, высказались за вторую модель. Они указывали, что она больше соответствует российским реалиям, ссылаясь на отечественные традиции централизованного государственного регулирования вопросов этнокультурного развития и неразвитость гражданского самосознания россиян. По их мнению, политика многообразия должна идти у нас сверху, от властей, а не снизу, являясь результатом волеизъявления самих представителей этнических идентичностей. Тем не менее часть экспертов, прежде всего — представители НКО, признавали, что инициатива все же должна исходить от самого этноса. Однако финансовую ее поддержку они все равно ожидают от государства. Что же касается участия в этнокультурных инициативах частного капитала, то интервьюируемые артикулировали отсутствие в России механизмов стимулирования такого рода спонсорской деятельности.

Тем самым региональные практики, будучи в большинстве своем «родом из СССР» и не прошедшие специальной переподготовки в постсоветский период, чаще высказывались за более знакомый им по советскому опыту институциональный вариант «мультикультурализма». Гражданские же его модели казались им чуждыми и непонятными. Таким образом, признавая важность построения в России новой модели этнокультурной политики и критикуя власти за недостаточную последовательность в ее разработке, в демократизации управления этнокультурным развитием, региональные эксперты сами оказались «несвободными» в своих мнениях от привитых советской эпохой взглядов, стереотипов, чаще вида именно и только в государстве основной политической субъект и источник этнокультурной политики.

Проведенный анализ показал то, что в нашей стране 1990–2000-е годы были периодом поиска новой модели построения этнокультурной политики, сменяющей квазимultiкультурализм СССР. И хотя на уровне общих принципов эта модель обнаруживает явные черты сходства с культурными политиками западных государств второй половины XX века, все же у российского «мультикультурного»

проекта свое происхождение и своя специфика. Она связана, прежде всего, с историческим и политическим прошлым России, сказывающимся до сих пор в этнокультурных политиках и практиках. При этом утверждение идеологии признания этнокультурного многообразия происходило в трансформационном социальном и политическом контексте, одновременно и во взаимовлиянии с процессами демократизации, регионализации и децентрализации управления сферой культуры, этнокультурной жизнью. Отсюда – сложное переплетение проблем выбора конкретных форм осуществления политики мультикультурализма и нахождения нового соотношения этнокультурных политик федерального центра и регионов России, обеспечения открытости, свободного доступа населения к информации в области развития этноязыков и этнокультур, преодоления бюрократизма федеральных и региональных государственных институтов, связанных с формированием и реализацией культурной политики.

Изучаемый процесс не был лишен «перегибов» и противоречий, когда, к примеру, демократизация, особенно на начальном этапе, нередко понималась как отрицание любых форм управления и координации деятельности институтов культуры и этнокультурной политики на горизонтальном (межведомственном) и вертикальном (центр – регионы) уровнях. При этом национальные республики, заявив о своих правах на построение самостоятельной этнокультурной политики и подчеркивая региональную – основанную на культуре титульного этноса – самобытность, порой не учитывали в полной мере этнокультурных запросов других народов, интересов страны как целого. Действия же федерального центра носили в этих условиях характер реакции на конкретную этнокультурную ситуацию и не были превентивными. И все же именно в этот период – в начале 1990-х годов – были заложены основы новой этнокультурной политики в России, начат диалог руководств центра и национальных регионов по этнокультурным вопросам.

2000-е годы были ознаменованы попытками центра скоординировать и интегрировать федеральную и региональные языково-культурные политики. При этом дискурс уже был представлен в терминах поиска новых форм *управления* этнокультурным многообразием, основ консolidации и интеграции полиэтнического поликультурного российского общества. И эти проблемы также оказались вполне созвучными широко обсуждаемым сегодня правительствами других, в том числе западных, государств. Однако в постсоветском контексте они нередко обретают иное звучание, когда проблема «управления многообразием» артикулируется рядом российских политиков, ученых, функционеров в сфере культуры, как и рядовыми, в том числе региональными практиками культурного строительства, через парадигму

«контроля» и «управления». И дело здесь не столько в некоем «давлении сверху», сколько в сложности и длительности процесса перестройки сознания самих россиян, продолжающих мыслить «советскими категориями» и часто оценивать принципы и процессы реализации «нового мультикультурализма» сквозь призму советского опыта этнофедерализма.

Список литературы

Гуща В. М. Институт национально-культурной политики на переходном этапе // Панорама культурной жизни стран СНГ и Балтии: Информационный сборник. 1997. Вып. 1. С. 2–21.

Дробижева Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003.

Еверитт Э. Как управлять культурой: интегрированное культурное планирование и культурная политика, 2003 // <http://www.culturalmanagement.ru/books/8?cid=5ent.ru/biblio/10000/?ord>.

Жидков В. С. Что такое культурная политика? // Культура в современном мире: Опыт, проблемы, решения: Научно-информационный сборник. 1994. № 10. С. 53–60.

Закон Республики Татарстан «О культуре» от 3 июля 1998 года № 1705.

Зорин Ю. В. От национальной политики к этнокультурной // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. № 3. С. 122–154.

Исхаков Д. М. Проблемы становления и трансформации татарской нации. Казань: Мастер Лайн, 1997.

Куропятник А. И. Мультикультурализм: Проблемы социальной стабильности полиэтнических обществ. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000.

Макарова Г., Ходжаева Е. Управления этнокультурными различиями «после империи» (по материалам интервью с экспертами в области культуры и этнокультурной политики в Республике Татарстан); Введение к публикации // *Ab Imperio: Studies of New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space*. 2005. № 4. С. 175–205.

Разлогов К. Э., Бутенко И. А. Культурная политика России: История и современность: Два взгляда на одну проблему. М.: ГИРТ Минкультуры, 1998.

Сикевич З. В. Социология и психология национальных отношений: Учебное пособие. СПб.: Изд-во Михалова В.А., 1999.

Тишков В. А. Трудное прошание с этнонационализмом // В. А. Тишков Этнология и политика: статьи 1989–2004 гг. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2005. С. 290–298.

Тишков В. А. Как обновить концепцию национальной политики? // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2003. № 48 // <http://www.iea.ras.ru/topic/law/publ/tishkov2003.htm>.

Тишков В. А. Напряжение возникает там, где недорабатывает власть // Татарстан: Общественно-политический журнал. 2007. № 10. С. 34–37.

Флиер А. О новой культурной политике в России // Общественные науки и современность. 1994. № 5. С. 14–25.

Au-delà du multiculturalisme? Les politiques d'hier, d'aujourd'hui et de demain: Une activité internationale de réseautage du British Council, Birmingham (Royaume-Uni), Du 11 au 16 février 2001 // http://www.incp-ripc.org/w-group/wg-cdg/reader/beyond_f.shtml.

Pratiques Culturelles et Politiques de la Culture. Paris: Maison des sciences de l'home d'Aquitaine, 1990.

Гузель Ильясовна Макарова
канд. филос. наук, доцент, ст. научный сотрудник отдела этнологии
Института истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
электронная почта: makarova_guzel@mail.ru
